

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ВЕТХИЙ ДОМ	7
2. НАЧИНАЮЩИЕ	49
3. ИССЛЕДОВАТЕЛИ.	66
4. СЦИЛЛА И ХАРИБДА	99
5. ОТРАЖАЯ УДАРЫ	123
6. СТРАННЫЕ ПАРТНЕРЫ	162
7. ПИРОГ	204
8. «УКРЫТИЕ НА МЕСТЕ»	241
9. ПЕРЕД СТРОЕМ	282
10. ДАР ВОЛХВОВ	334
11. СЕНСАЦИИ	370
12. СОКОРОВИЩНИЦА ВРЕМЕНИ.	422
13. БРИТВА МИСТЕРА ОККАМА	455
14. КОНЕЦ СВЕТА	490
15. НЕОЖИДАННЫЕ РЕЗЕРВЫ	507
16. ГОЛУБОЕ НЕБО	548
17. ОБВАЛ	560
18. ВЫЖИВАНИЕ.	597
Выражение признательности	605

*Посвящается
Лили Хопп Кингсолвер*

А за последним «нет» приходит «да»,
И мир висит на этом волоске...¹

¹ Уоллес Стивенс. Прилично одетый мужчина с бородой. Перевод Г. Кружкова. — *Здесь и далее примеч. пер.*

1

ВЕТХИЙ ДОМ

— Пуще всего было бы снести его, — сказал мужчина. — Этот дом — рухлядь.

Его вердикт ударили ей в уши внезапным приливом крови, словно рев толпы предков с камнями в руках, собравшихся, чтобы противостоять судебному исполнителю, явившемуся их выселять. Но этот человек не являлся судебным исполнителем, он был подрядчиком. Уилла сама вызвала его и могла отказаться от его услуг. Пока она успокаивалась, он стоял и смотрел на ее развалину, испытывая, как ей показалось, удовлетворение от поставленного им диагноза. Потом, подбирая слова, произнесла:

— Это не живое существо. Вы не можете просто констатировать его смерть. Ведь все конструкции, вышедшие из строя, легко заменить. Я права?

— Да. Просто я говорю, что в данном случае конструкция, требующая замены, это весь дом. Мне жаль. У него нет фундамента.

Снова рев в ушах. Уилла уставилась на его черный комбинезон с прилипшей к нему паутиной, которую он собрал, ползая на чердаке. Его фамилия была Петрофаччо. Пит.

— Как же у такого старого дома может не быть фундамента?

— Не у всего дома. Видите, где сделали пристройку? Эти стены ни на что существенное не опираются. А пристройка означает кухню, ванные комнаты, то, что необходимо для нормально функционирующего дома.

Означает, подумала она, — неправильное слово, нужно — *включает*.

Один из соседских парней выскользнул из задней двери. Метнув взгляд на Уиллу, он сразу отвел его, пропустил через лабиринт между машинами, заполонившими их двор, и вышел на улицу. Они с братом чинили автомобили преимущественно по ночам, орудуя инструментами в свете переносных ламп. Их тихие подщечивания друг над другом и порой срывавшиеся с языка испанские ругательства, выражавшие то расстройство, то ликование, вплывали через окна в спальню Уиллы, как ночная музыка нового для нее города. Она ничего не имела против этого кладбища автомобилей, этих симпатичных парней и их друзей, которые, все поголовно, носили спортивные шорты и пластмассовые банные тапочки, будто жизнь начиналась в раздевалке. Неправильным казалось то, что ее дому вынесен смертный приговор, в то время как их дом, с прогнувшейся линией крыши и виниловым сайдингом, покрытым облупившимися белыми чешуйками, стоялочно. Дом Уиллы был кирпичным. Никакой соломы или хвороста, ничего такого, что мог унести порыв ветра.

Молчание затянулось. Мистер Петрофаччо разглядывал два гигантских дерева, отбрасывавшие тень на весь двор и еще полквартала. Уилла восхищалась этой парой колоссов, росших перед кухонным окном, и считала, что они такие же старые, как сам дом, но и для них не видела лучшей жизненной перспективы.

— Ума не приложу, кому подобное могло взбрести в голову, — наконец произнес мистер Петрофаччо, — сде-

лать пристройку без фундамента. Ни один уважающий себя подрядчик не согласился бы на это.

Теперь, присмотревшись, Уилла заметила, что пристройка действительно поколась непосредственно на земле: нижние ряды кирпичей разболтались и заваливались в разные стороны. Кровля проржавевшей жестяной крыши свисала с третьего этажа, а двухэтажная пристройка была прилеплена сзади на скорую руку, явно в спешке. Две высокие печные трубы наклонились в противоположные стороны. По кирпичным стенам зигзагообразными молниями тянулись трещины. Как же она раньше этого не видела? Именно Уилла была в семье тем человеком, кто бдительно стоял на страже всего — касалось ли это медицинских осмотров или поздних телефонных звонков, она всегда готовилась к худшему, чтобы жизнь не застала их врасплох. Но сегодня утром Уилла ждала подрядчика без дурных предчувствий. Вероятно, полагая, что ее семья уже исчерпала лимит несчастий.

— Я не могу нанять вас, чтобы снести мой дом и построить новый. — Уилла запустила пальцы в волосы на висках и почувствовала себя неловко. Это была нервозная привычка, от которой она пыталась избавиться уже лет двадцать, с тех пор как дети сказали ей, что в такие моменты она похожа на «Крик»¹. Уилла сжала кулаки и засунула их в карманы шортов защитного цвета. — Мы надеялись отремонтировать его, продать и купить что-нибудь поближе к Филадельфии. Нам такой большой дом ни к чему. Никому не нужно столько места.

¹ Название серии картин норвежского художника-экспрессиониста Эдварда Мунка, на которых весьма условно изображена фигура кричащего в отчаянии человека, стиснувшего голову ладонями.

Моральную сторону вопроса мистер Петрофаччо комментировать не стал.

— Вот вы говорите, что прежде чем выставлять на продажу, его нужно отремонтировать. А я заметила, что около каждого четвертого дома в этом городе стоит табличка «Продается». Вы хотите сказать, что все они находятся в лучшем состоянии, чем мой?

— Двадцать процентов — это по самым оптимистичным оценкам. По реальным — десять.

— И они продаются?

— Нет.

— Тогда это еще один аргумент в пользу того, что сносить дом не надо. — Сказав это, Уилла осознала, что ее логику неопровергнуть не назовешь. — Ладно, главное — мы здесь живем. Сейчас с нами недееспособный отец моего мужа. И наша дочь.

— А еще ребенок на подходе, я прав? Я видел детские вещи — кроватку и прочее, когда осматривал трещины в трубах на третьем этаже.

У нее приоткрылся рот.

— Простите, — произнес он, — мне пришлось протиснуться за кроватку, чтобы осмотреть трубы. Вы говорили, что вам не нужен такой большой дом, поэтому я немного удивился. Похоже, у вас большая семья.

Уилла промолчала. Пит достал из кармана носовой платок, промокнул лицо, высыпался и сунул платок обратно. Вероятно, ему было жарко в своем комбинезоне.

— Это же счастливое событие, мэм, рождение ребенка.

— Спасибо. Это ребенок моего сына, только что родившийся. В эти выходные мы едем в Бостон, посмотреть на новорожденного, кроватка — подарок.

Пит кивнул.

— При всем моем уважении, мэм, обычно люди осматривают дом прежде, чем купить его.

— Мы его не покупали! Он достался нам в наследство. Мы жили в Виргинии и после смерти моей тети размышляли, что делать со старым домом в Нью-Джерси, когда муж неожиданно получил предложение работы из Чансела — всего в получасе езды отсюда. Неправдоподобное везение, правда?

— Ваш муж — профессор в местном колледже? — Ноздри Пита затрепетали, учуя деньги, в соответствии с расхожим заблуждением, будто ученых они водятся.

— У него там годовой контракт, который, возможно, не будет возобновлен, — пояснила она из предосторожности. — Моя тетя недолго сдавала этот дом. До того, как попала в больницу в Оушен-сити.

— Сочувствую вашей утрате.

— Уже год прошел, все в порядке. Они с моей мамой умерли с разницей во времени в одну неделю, какая-то редкая разновидность рака, они были близняшками. Семьдесят девять лет.

— Ничего себе. То есть я хотел сказать печально, но история — прямо как из какого-нибудь журнала. Броде той белиберды, что там печатают и в которую никто не верит.

Уилла грустно усмехнулась:

— Я — журнальный редактор.

— Да ну? В таком журнале, как «Ньюсик» или «Нэшнл джиогрэфик»?

— Да, что-то в этом роде. Глянцевый, со множеством наград. Только мой разорился.

— Представляю, как вам было обидно!

— Простите, что держу вас здесь. Могу я вам предложить чаю со льдом?

— Нет, спасибо. Мне нужно ехать проверять ущерб от термитов в Элмере.

— Понимаю.

Несмотря на желание поскорее забыть все, что он ей сказал, Уилла заинтересовалась его акцентом. До переезда сюда она ужасалась, когда слышала какого-нибудь нью-джерсийца, который идет в «маагаазин» или занимается «спуортом», но южноджерсийская речь оказалась полной лингвистических сюрпризов. Этот Пит представлял собой доморощенный экземпляр, помесь филадельфийского проходимца, растягивающего гласные, с пенсильванским амишем¹ или кем-то в этом роде. Уилла заметила, что он внимательно разглядывает гараж, находившийся на границе участков: два этажа, окна со старинными стеклами, густой покров английского плюща.

— Думаете, строение относится к нашему дому? — спросила она. — По документам это не совсем ясно.

— Нет, оно не ваше. Это условный дом, принадлежавший соседнему владению.

— Условный дом?

— Да, мэм. В те далекие времена, когда здесь распродавали земельные участки, существовало условие: в течение ближайшего года начать его освоение, продемонстрировать свое намерение осесть на нем — посадить деревья и так далее. И вот люди, пока собирали средства и силы на постройку настоящего дома, для начала ставили подобные сооружения.

— Любопытно.

¹ Протестанская религиозная деноминация. Амиши отличаются простотой жизни, одежды и нежеланием принимать многие современные технологии и удобства.

— Вы присмотритесь и увидите, что в городе их немало, все построены по одному и тому же плану: нечто вроде амбара, сляпанное быстро и дешево. Уверен, какой-то умелец неплохо нажился на этих условных домах.

— О каком периоде мы толкуем?

— Об эре Лэндиса, — ответил Пит. — Вы ничего не знаете о Лэндисе?

— А он кто, какой-то застройщик?

— Скорее король. Был им в те далекие времена. Когда Лэндис купил эту землю, она представляла собой просто дикую глухомань. Тридцать тысяч акров — и никого, кроме индейцев и беглых рабов. И тогда он разработал этот грандиозный план, чтобы привлечь сюда людей. Устроить тут нечто вроде рая на земле.

— Создать одну из тех утопических коммун? Вы шутите?

— Ничуть. Фермы — как в книжках с картинками. Вы обратили внимание на названия улиц — Сливовая, Персиковая, Яблоневая? Еще Миндалльная. — Последнее слово он произнес как «миандальная». Уилла также отметила отсутствие сокращенных форм в его речи, часто повторяющееся выражение «в те даалекии времена» и пожалела, что у нее в кармане нет диктофона.

— Да, я заметила, звучит очень мило. Моя дочь выходит погулять с собакой и, возвращаясь, всегда хочет перекусить.

Пит рассмеялся:

— Здоровый ребенок! Мои девочки не желают ничего, кроме жевательных мармеладных фигурок и диетической шипучки. Должен вам сказать, что мою жену это возмущает.

Уилла не собиралась комментировать поведение Тиг.

— Значит, он назвал эту землю Вайнлендом, мечтая, что люди будут слетаться сюда, как плодовые мушки¹?

— Капитан Лэндис был помешан на фруктах, насколько я знаю. А кто лучше всех умеет выращивать виноград, если не итальянцы? И он начинает выпускать свою газету на итальянском языке, чтобы привлечь нужный контингент. Петрофаччо тоже приехали из Италии, из Палермо. У моих бабушки с дедушкой был альбом с вырезками из той газеты.

Уилла улыбнулась:

— Лэндис был пьяницей?

— Нет, мэм, как бы неправдоподобно это ни звучало, в Вайнленде не употребляли алкоголя. Это было важное правило — в те давние времена.

Уилла видела пробелы в этой истории, но все же могла угадать ее будущее: утопия XIX века укатилась ко всем чертям.

— Вы уверены, что гараж принадлежит им? Не то чтобы он был мне нужен... — Она рассмеялась. — Если только вы не думаете, что нам понадобится новое жилье.

Ее удивило, что Пит не поддержал шутку.

— Им, им. Вижу это по расположению и обрезу стены.

Уилла предположила, что соседи этого не знают, иначе гараж был бы уже заполнен всяким железным хламом с парка поломанных машин. Пит окинул взглядом их облупленный фермерский дом.

— От оригинальной постройки ничего не осталось. Жаль. Те, первоначальные дома, были красивыми старушками — в давние времена. Так же, как и ваш.

— Если не считать его слабого фундамента. Руины поглотили многих «красивых старушек», как я догадываюсь.

¹ Vineland (*англ.*) — виноградник.

Взгляд Пита свидетельствовал о том, что он не считает это подходящей темой для шуток.

— Если это такая большая утрата, не следует ли спасти наш дом? Разве не существует грантов на подобные вещи — на охрану исторических памятников?

Он пожал плечами.

— В настоящий момент у нашего славного города действительно карманы пусты.

— В каком-то смысле они могли бы быть наполнены. Судя по всему, это место было построено благодаря тру-долюбию иммигрантов, и многие нынешние старые день-ги появились тут, практически из ниоткуда.

— Деньги, — кивнул мистер Петрофаччо, глядя по-верху мертвых «фордов» и «шеви» на двух девушек, кативших детские коляски по гравийной дорожке, разговаривая на каком-то музыкальном азиатском языке. — Куда они только деваются?

Уилла задавалась тем же вопросом. Шла ли речь о ее семье, о профессиональной сфере, ее или мужа, о напряженности в экономике Европы и всего чертова мира, вопрос заключался в том, куда подевались деньги, которые раньше имелись? Ее муж был доктором наук в области мировой политики, сын — экономистом, и ни одного из них, похоже, не интересовала загадка, не дававшая покоя ей. Если не считать вполне конкретного ее аспекта.

— В том-то и проблема, что здесь требуется государственное финансирование, — произнес Пит. — Ни у одного простого местного жителя никогда не будет столько средств, сколько для этого необходимо. Есть времена, когда без поддержки не обойтись, и они давно настали.

Уилла тяжело вздохнула:

— Ладно. Это же не окончательный приговор. Как я поняла, если мы решим не сносить наш дом, единствен-

ная другая возможность — это временные меры, и ни одна из них не представляется удовлетворительной. Полагаю, нам следует встретиться еще раз, в присутствии моего мужа.

— Хорошо. — Пит дал ей свою визитку и пожал руку. Уилла уже догадывалась, что ее общительный супруг подружится с этим человеком. Всю свою замужнюю жизнь она наблюдала, как Яно обменивался телефонными номерами с водопроводчиками и автомеханиками, — он был прирожденным фейсбуичным другом задолго до появления Фейсбука.

— Мы позвоним вам, чтобы договориться о дальнейших шагах, после того как я сообщу ему дурную новость. Но предупреждаю: мой муж тоже приведет вам много аргументов, почему мы не можем снести дом. И не все они будут совпадать с моими. Между нами говоря, мы способны вас заболтать.

Мистер Петрофаччо кивнул.

— Со всем уважением, но я слышу это постоянно. И это еще ни разу не помогло восстановить ни один дом.

Целый час Уилла беспокойно бродила по пустому третьему этажу, выбирая комнату для своего кабинета. Через месяц после вселения она привела в порядок нижнюю часть дома, но до верхнего этажа руки у нее не доходили, если не считать комнату, которую она назвала мансардой. Кроме древней колыбельки, Уилла свалила там обычный хлам: праздничные украшения, редко используемый спортивный инвентарь, а также коробки с памятными детскими вещами, начиная с дошкольных рисунков пальцами до причудливых плакатов, сделанных Тиг для научной выставки, и школьных ежегодников Зика, в которых расписались все его одноклассницы, зашифровав

ребусами признания вроде «Ты слишком хорош, чтобы тебя забыть».

Уилла вспомнила объяснение подрядчика, почему ему пришлось прорывать сваленный в мансарде хлам — чтобы осмотреть прорванные трубы. Господи Иисусе! Похоже на диагноз аневризмы. Что ее потрясло, так это жизнерадостный вид, с каким он сообщил ей этот страшный прогноз. Точно такой же вид был у маминого последнего онколога.

Желая успокоиться, Уилла заняла комнату, выходившую окнами на соседей-автомобилистов. Не самый привлекательный пейзаж, заметил бы кто-то, но пробивавшийся сквозь листву гигантской березы дневной свет был великолепен. И пол из твердой древесины оказался во вполне приличном состоянии, если не считать исеченной шрамами сероватой дорожки, которая по кругу опоясывала все четыре смежные комнаты третьего этажа. Вот так же Зик, Тиг и одна из их ныне покойных собак гонялись друг за другом по такому же круговому маршруту в одном из их прежних домов. Где же это было? В Боулдерере, вспомнила Уилла, и перед мысленным взором возникли горы, которые были видны из окна кухни. Горы, к которым она, запертая в доме с двумя дошкольниками, мечтала улететь, пока Яно трудолюбиво отрабатывал свою первую попытку получить постоянную профессорскую должность.

Эти комнаты на верхнем этаже раскалялись, как горнила. Все окна в доме были от пола до потолка, и большинство из них пока не удавалось открыть. Уилла раздругой безрезультатно ударила ногой по раме, сдалась, уселась на полу, открыла ящик со своими книгами и принялась раскладывать их по тематическим стопкам. Потом сложила обратно в ящик. Учитывая обреченное состоя-

ние гнезда, обустраиваться было нелепо. Закрыв глаза и прислонившись к стене спиной, Уилла чувствовала ритм работавшего на первом этаже кислородного концентратора Ника. Как будто для того, чтобы она никогда не расслаблялась в одиночестве, миазмы, исходившие от ее свекра и средств его жизнеобеспечения, пропитывали весь дом. Ей хотелось, чтобы Яно был здесь, с ней. Занятия начинались только через несколько недель, но у него уже возникли неотложные дела в новом офисе.

При слове «офис» Уилла ощущила укол ностальгии в груди. Учитывая ее возраст и профессию — за пятьдесят, журналистка, — у нее могло больше никогда не быть места работы, с коллегами, офисными сплетнями и постоянным стимулом вылезать из тренировочных штанов. Остававшуюся часть своей продуктивной профессиональной жизни, которая была отменена в одночасье, она чувствовала, как чувствуют ампутированную конечность. В последние годы службы в журнале Уилла чаще работала дистанционно, и все же регулярные поездки в редакцию, располагавшуюся на окраине округа Колумбия, забирали столько жизненных сил, что она начала завидовать своим друзьям-фрилансерам. От этой зависти Уилла быстро излечилась. Теперь она понимала, что служба придавала ей официальный статус. Задним числом и вся ее карьера приобретала сомнительный характер. Неужели профессионал может однажды проснуться лишенным профессии? Для душевного равновесия ей требовалось разослать запросы о внештатной работе, а первым шагом на этом пути было оборудование собственного кабинета. Но теперь даже этот простой шаг омрачало предвестие беды.

Уилла легла на пол и стала разглядывать коричневые концентрические пятна-круги на потолке. Яно предложил